

Вспоминая Якова Юрьевича Никитина.

Наше общее дело

С.М. Ананьевский

Яков Юрьевич Никитин старше меня почти на 7 лет, и к моменту, когда я впервые с ним встретился, он уже был преподавателем на кафедре теории вероятностей и математической статистики, а я пришёл на кафедру студентом третьего курса. Это было в 1973 году. Занятий в нашей группе он никогда не проводил, спецкурсов в то время тоже ещё не читал, поэтому я формально у него не учился и считать себя его учеником я не могу. Так что вначале у нас с Яковом Юрьевичем контактов почти не было.

Первое воспоминание о весьма опосредованном контакте переносит меня в зиму 1974 года. Наша группа сдавала экзамен по математической статистике (тогда это был спецкурс), который принимал Ильдар Абдуллович Ибрагимов, а помощником по приему этого экзамена как раз был Яков Юрьевич. В аудитории оставалось два студента – я отвечал Ильдари Абдулловичу, а другого студента экзаменовал Яков Юрьевич. Он, закончив экзаменовать, этого студента отпустил и подошёл к нашему столу поинтересоваться, как обстоят дела у меня, последнего из отвечающих. Экзамен подходил к концу, я получил от Ильдара Абдулловича задачу и на некоторое время задумался над её решением. Яков Юрьевич, постояв рядом, попрощался с И.А. Ибрагимовым и вышел. За дверями аудитории, как обычно, ждала группа поддержки, которая поинтересовалась у него перспективами окончания экзамена. Яков Юрьевич высказал мнение, что экзамен скоро окончится и что, скорее всего, я выйду с удовлетворительной оценкой. Он был частично прав. Действительно, пока он выходил, я рассказал решение задачи и практически сразу за ним вышел с отличной оценкой.

Второе воспоминание относится почти к тому же времени, только спустя пару месяцев. Один из моих друзей имел задолженность как раз по математической статистике. Дело было в самом конце февраля, а 1 марта всех студентов, которые имели задолженности, должны были отчислить из университета. (Какой контраст с тем, как обстоят дела с “хвостистами” в настоящее время! Теперь не редкость, если мы принимаем задолженности в конце декабря за зимнюю или летнюю сессию предыдущего года!) Юра Пригожин, который учился на курс старше нас и у которого Яков Юрьевич вел занятия, решил позвонить домой Якову Юрьевичу и попросить его проэкзаменовать нашего друга по возможности на следующий день, поскольку время поджимало. Было получено согласие, и, действительно, на следующий день экзамен состоялся.

В дальнейшем в течение нескольких лет у нас были какие-то пересечения по разным делам, поскольку и он, и я отличались общественной активностью и принимали участие в различных общефакультетских мероприятиях, но это не оставило в памяти чего-то особенного.

Следующее личное общение произошло, когда я был аспирантом второго курса. Мы вместе с Яковом Юрьевичем выходили из здания факультета на 10 линии, и по дороге он поинтересовался моими научными успехами. После моего краткого рассказа он как-то весьма по-доброму отреагировал, сообщил, что немного занимался этой же тематикой и выразил уверенность в благополучном решении стоящих передо мной задач. Продолжая обучение в аспирантуре, я проходил педагогическую практику – практические занятия по теории вероятностей в одной из групп экономического факультета, где лекции читал Яков Юрьевич. Он пригласил меня помочь ему принимать экзамен. Это, пожалуй, был первый раз, когда я оказался его учеником. Что у меня осталось в памяти от этого экзамена? Я наблюдал, как он общался со студентами. Пока он спрашивал студента по предмету, он успевал выяснить, откуда этот студент приехал, какие у него интересы, и много чего другого. Это было очень непосредственное общение преподавателя с учеником, и такое общение, конечно же, способствовало тому, что всякое напряжение от экзамена у студента исчезало. Студент, независимо от полученной оценки, покидал экзамен удовлетворенным своим результатом. И при этом Яков Юрьевич успел спросить раза в два больше студентов, чем я!

Через пару лет (1982 год) я начал работать на кафедре, и наше общение перешло на другой уровень. Если раньше это было общение преподавателя со студентом или аспирантом, то с этого момента мы были преподавателями одной кафедры, из которых один – имеющий большой опыт, а другой – только начинающий. В 80-х годах у Якова Юрьевича была очень насыщенная разными событиями жизнь. Из наиболее значительных событий следует отметить защиту докторской диссертации, работу заместителем декана по распределению выпускников, получение профессорского звания.

Я помню его защиту докторской диссертации, которая прошла очень успешно. Члены ученого совета и сотрудники кафедры после совета были приглашены на неформальное подведение итогов, которое должно было состояться на квартире, где раньше жил Яков Юрьевич, на Кировском (ныне Каменноостровский) проспекте. Начало этого мероприятия было назначено на 16 или 17 часов, а в 19.00 я должен был проводить занятия на вечернем факультете. Вместе с другими членами ученого совета я пришёл к назначенному времени, но предупредил Якова Юрьевича, что буду

вынужден скоро покинуть их из-за предстоящих занятий. Это вызвало искреннее сожаление со стороны Якова Юрьевича. Когда я уходил, он вышел проводить меня. Сейчас я это вспоминаю с теплыми чувствами.

Особенно надо вспомнить деятельность Якова Юрьевича на поприще заместителя декана по распределению выпускников. Это была очень важная и ответственная работа. На распределение выпускников одного курса тратился целый год. Необходимо было взаимодействовать с представителями разных предприятий, министерств и ведомств, и, конечно же, со студентами. Требовалось совместить запросы предприятий и министерств с пожеланиями студентов, что было иногда весьма трудной задачей. Яков Юрьевич прекрасно справлялся с этой работой. Его блестящее умение находить контакт с другими людьми и организаторские способности позволяли разрешить все проблемы. Я имел возможность непосредственно видеть и оценивать его работу на этом направлении, поскольку в то время был заместителем декана по студенческим делам и в своей деятельности непосредственно взаимодействовал с Яковым Юрьевичем. Не помню ни одного случая, чтобы в результате какой-либо студент или какое-либо предприятие остались недовольными результатом распределения. Все шло хорошо, но однажды Якову Юрьевичу сообщили, что он больше не будет заниматься этой работой, что его очень обеспокоило и расстроило. В чем дело, ему не сообщили, но пригласили к проректору. Результатами посещения проректора Яков Юрьевич со мной поделился. Оказалось, что за несколько месяцев до этого сестра Якова Юрьевича вышла замуж за итальянца и переехала на постоянное место жительства в Италию. А поскольку при распределении выпускников необходимо контактировать с представителями различных предприятий (в том числе относящихся к оборонному комплексу), было решено на всякий случай перестраховаться. Это было прямо сказано Якову Юрьевичу и особо добавлено, что к нему и к его работе никаких претензий нет. Надо сказать, что та форма, в которой все это было высказано, по моему впечатлению, подействовала на Якова Юрьевича успокаивающе, хотя сожаления, что пришлось закончить эту деятельность, у него остались.

Несмотря на большую общественно важную работу, Яков Юрьевич продолжал и интенсивную научную деятельность. Результатом этого явилось включение его в делегацию математиков от Ленинграда на Всемирный математический конгресс, который должен был состояться летом 1982 года в Варшаве. Подготовка к участию в конгрессе требовала определенной подготовки как в научном, так и в бытовом плане. Все это было преодолено, и летом планировалась поездка в Польшу. Мне кажется, что это должна была быть первая его поездка с научной целью за границу. Однако из-за политических событий в Польше, связанных с движением

«Солидарность», конгресс в 1982 году в последний момент был отменен. В самом конце августа перед началом очередного учебного года состоялось собрание преподавателей факультета. Мы встретились, и Яков Юрьевич, прекрасно выглядевший, сообщил, о несостоявшемся конгрессе такими словами: «Перед вами несостоявшийся конгрессмен, но зато в новом костюме, приобретенном специально для конгресса».

После прошедшего лета, как обычно, обсуждали всякие новости. Яков Юрьевич всегда интересовался и личной жизнью ближайшего окружения. В частности, мы обсудили недавние изменения в моей жизни и жизни В.Б. Невзорова. Мы с Валерием Борисовичем примерно в одно время женились. Прошло чуть больше года, и почти одновременно у нас обоих родились сыновья, что также стало предметом обсуждения с Яковом Юрьевичем. Поинтересовавшись здоровьем наших детей и жен, высказав разные пожелания, он закончил словами: «Да, вы с Валерием Борисовичем зря время не теряли».

В конце 80-х годов и в 90-е годы продолжалась обычная преподавательская работа. Я выполнял обязанности ученого секретаря кафедры, Яков Юрьевич был одним из ведущих профессоров кафедры. Появилась возможность чаще выезжать с научной целью в командировки в другие страны. Яков Юрьевич, как и многие другие профессора и преподаватели, тоже стал выезжать с научными докладами в зарубежных университетах. Я должен особо отметить, что он во время своих поездок не перекладывал свою преподавательскую нагрузку на других, всегда выполнял её полностью, заранее проводя дополнительные занятия. Результатом зарубежных поездок часто становились приглашения иностранных ученых сделать доклад на пятничных семинарах, а также научные доклады на семинаре самого Якова Юрьевича. В эти годы мы вместе участвовали в двух Вильнюсских конференциях и в Конгрессе Общества им. Бернулли в Ташкенте, где тесно общались.

В середине 90-х годов заведующим кафедрой стал Ильдар Абдуллоевич Ибрагимов, под руководством которого мы успешно работали до 2005 года, когда он решил передать руководство кафедрой Якову Юрьевичу. Следует заметить, что не все сотрудники кафедры встретили эти изменения с восторгом. Были и сомневающиеся в целесообразности таких изменений. Это хорошо понимал и Яков Юрьевич. Но особых изменений в деятельности кафедры не произошло, поскольку новый заведующий прекрасно знал историю кафедры и придерживался правила – соблюдать сложившиеся хорошие традиции. Это прежде всего выражалось в уважительном отношении его не только к старожилам кафедры, но и к молодым преподавателям. Особое внимание он уделял поддержке интереса к кафедре среди студентов. Во время его руководства кафедрой у

нас, в отличие от некоторых других кафедр, всегда была группа студентов, специализирующаяся по теории вероятностей и математической статистике.

Яков Юрьевич руководил кафедрой почти 15 лет. У меня постепенно складывались с ним очень доверительные отношения. Конечно, потребовалось время, чтобы научиться понимать друг друга зачастую без лишних слов, поскольку мы практически впервые занимались одним общим делом. Последние 5-10 лет наша совместная работа складывалась, по-моему, удачно, я знал, где необходимо на всякий случай его подстраховать, он тоже неоднократно в чем-то меня подстраховывал. Редкие вечера проходили без телефонных консультаций с ним по его или моей инициативе. В телефонных разговорах, кроме производственных и служебных тем, часто обсуждались вопросы, связанные с искусством, спортом, к чему у него всегда был большой интерес. Но когда наступало редкое затишье (в зимние или летние студенческие каникулы), мы давали друг другу некоторое время отдохнуть от наших “производственных совещаний”.

Последние два года выдались очень непростыми. Во-первых, ушёл из жизни декан факультета Геннадий Алексеевич Леонов, с которым у Якова Юрьевича были очень хорошие отношения. Затем началась эпопея с образованием нового факультета, которая нанесла колоссальный вред развитию мат-меха. Яков Юрьевич прекрасно осознавал всю пагубность для мат-меха образования нового факультета. В его сознании никак не укладывалось, как можно рушить то, что создавалось многими поколениями выдающихся ученых, как можно не только бросать своих учителей, но и отнимать у них дело, которому они посвятили всю свою сознательную жизнь. Он принимал участие в различных университетских комиссиях, которые обсуждали вопрос целесообразности создания нового факультета, открыто доказывал в этих комиссиях вредность такого решения. При этом приводил аргументы в пользу сохранения единства математического образования.

Здесь я хочу отметить, что всегда отмечал для себя. Яков Юрьевич никогда не пытался что-то замалчивать или исказить при высказывании своей позиции. Видимо это шло и от его воспитания, и от профессиональной деятельности математика-статистика. Мы же знаем, что можно чуть-чуть исказить какие-то данные и на основании этого будут следовать совсем другие выводы. Он никогда не позволял себе этого. Пусть выводы будут не те, что предварительно ожидаешь, но истина дороже – этого принципа он придерживался всегда. В результате работы его и других профессоров факультета и комиссии ученого совета университета, и сам ученый совет пришли к выводу о нецелесообразности образования нового факультета. Однако ректор взял ответственность на

себя, и его решением новый факультет был образован. Это буквально потрясло Якова Юрьевича. Никогда в истории университета ректор не противопоставлял себя ученому совету. Теперь такие времена. («Времена не выбирают, в них живут и умирают...»)

Пандемия с её всевозможными ограничениями наложила отпечаток на нашу жизнь. Мы в это время почти ежедневно общались либо по телефону, либо перебрасываясь какими-то видеороликами. От него приходило этих видеороликов, отражающих нашу жизнь в этих условиях, довольно много, что как-то позволяло легче переносить это время. Мы обменивались методиками дистанционного способа преподавания, обсуждали странные возможности дистанционной защиты выпускных работ, делились различными новостями.

Учебный год заканчивался. Педагогическую нагрузку на следующий год мы обсудили и подготовили её распределение среди преподавателей. Впереди уже проглядывался отпуск. Мы обменялись соображениями и планами, как и где будем проводить отпуск и как будем при необходимости поддерживать контакт.

22 июня примерно в 22.30 зазвенел мой мобильный телефон, я увидел на экране, что звонок от Якова Юрьевича. Ещё отметил про себя, что к этому времени все разговоры с ним мы обычно уже заканчивали. Взял трубку со словами: «Привет, Яков Юрьевич». Услышал голос Татьяны Петровны. Её слова, что Якова Юрьевича больше нет – инфаркт – я осознал не сразу.